

Рецензируемая книга задумана как «первый в восточнославянском сравнительном языкознании документированный историко-этимологический словарь названий древнерусских городов» (с. 9). Автор сделал попытку дать этимологическую интерпретацию для более чем трехсот древнерусских ойконимов. Словообразовательно-семантическая реконструкция древнерусских названий городов явилась для автора слишком трудной задачей и в отношении словообразования и в отношении лингвистического метода, что обусловило ряд ошибочных толкований и элементарнейших пропусков. Приведем здесь наиболее существенные из наших замечаний¹.

1. Автор не уяснил для себя фонетических процессов и особенностей склонения после падения редуцированных и часто не мог дифференцировать основу им. (вин.) п. от основы косвенных падежей. Так, в цитате из летописи: и затвориси въ *Бужьскѣ* и оступи градъ *Бужьскъ* (ЛИ ок. 1425, л. 91 об. (1097)² он усматривает разные варианты топонима *Бужьскѣ* и *Бужьскѣ* (с. 30), хотя речь идет о разных падежных формах одного и того же топонима: *Bužesk* — форма вин. п., *Bužskě* — предл. п. То, что это не случайная ошибка, показывает такой пример: и ту пристави к нему сна своего. Мьстислава до *Коречьска*. и тако проводивъ и за *Корчскѣ* (ЛИ ок. 1425, л. 144 (1150), где Нерознак также выделяет два варианта топонима *Корчскѣ* и *Коречьскѣ* и делает вывод: «Исходной формой, по-видимому, следует считать вариант *Корчскѣ*, в основе которого лежит слово *корч* 'выкорчеванный пенъ'» (с. 95). Нет необходимости доказывать, что в данном примере представлен один топоним, который после вокализации редуцированного в сильном положении и падения в слабом, в вин. п. произносился как *Korčesk* < *Korčьskъ*, а в род. п. — как *Korčeska* < *Korčьska*. На основании примеров: и посла *Козельску* (ЛИ ок. 1425, л. 124 об. (1146); и ста не дошедъ *Козельска* (ЛЛ 1377, л. 114 (1154) автор реконструирует форму им. п. *Козельскъ* (с. 89). Между тем засвидетельствована форма вин. п. (совпадающая с формой им. п.), которая звучит иначе: Батыеви же, вземшю *Козлескъ* (ЛИ ок. 1425, л. 264 (1237)). Здесь также речь идет о разных видах основы: в им. п. *Kozlesk* < *Kozьlskъ*, в род. п. *Kozel'ska* < *Kozьlska*.

2. В ряде случаев автор не смог на основе засвидетельствованных форм реконструировать форму им. п. и род топонима. Так, в состав древнерусских названий городов Нерознак включил топоним *Желань* (*Желянь*) (с. 72), сделав тем самым двойную ошибку. Во-первых, засвидетельствованная форма вин. п., которую приводит автор, несомненно показывает, что речь идет о существительном женского рода, форма им. п. которого *Želaňa* (*Žel'aňa*): Стополкъ же вышиде на *Желаню* (ЛЛ 1377, л. 73 об. (1093). Во-вторых, контекст показывает, что речь идет не о названии города, а скорее всего о названии реки: сътвориша миръ на *Желяни* (Надп 1104); и пришедъ ста на *Желяни* (ЛЛ 1377, л. 104 (1146); Торци же постигоша возы ихъ на *Желяни* (ЛИ ок. 1425, л. 185 (1162); настигаша Берендичи. Володимира на *Желяни*. у Дорогобужа (Там же, л. 190 об. (1169).

3. Автор не всегда смог отграничить притяжательные прилагательные с суф. *-evъ* (в субстантивной функции) от существительных с формой в дат. п. на *-evi*. На основе цитаты: и к *Выреви* бяху пришли (ЛЛ 1377, л. 82 об. (1096) Нерознак делает вывод: «Название отмечено первоначально... в форме *Вырезъ* (с. 52), хотя на самом деле здесь представлен топоним *Vyrъ*, оканчивающийся в дат. п. на *-evi*. И, наоборот, на основе цитаты: идеть мимо Мунаревъ к *Володареву* (ЛИ ок. 1425, л. 145 (1150) автор ошибочно восстанавливает топоним *Володарь* (с. 44), в то время как тут зафиксирован топоним *Volodařevъ*, оканчивающийся в дат. п. на *-u*.

4. Автор не разобравшись в формальных изменениях, которым подвергались собственные названия в различных списках древнерусских летописей и для одного и того же топонима дает три разных объяснения: «В основе топонима *Воинъ* лежит др.-русс. *воинъ*. . . Название др.-русс. города *Воино* образовано с помощью топоформанта *-но* от основы *вои(н)-*. . . Вариант названия, *Воинъ*, следует рассматривать как притяжательное прилагательное

на -*ь*» (с. 42—43). Первоначальная форма топонима — *Vojinъ*, это притяжательное прилагательное на -*ь* от личного имени *Vojinъ*: идоша весѣ на Половцѣ. . . и дошедше *Воиня* и воротишася (ЛЛ 1377, л. 95 об. (1110): в результате деналатализации конечного согласного основы получилась форма с *n*: приде Романъ с Половци къ *Воину* (Там же, л. 68 об. (1079). Пример: иде Всеволодъ на Торкы. зимѣ *воиноу* [вариант Х. П.: къ *воиню*] и побѣди Торкы (ЛИ ок. 1425, л. 60 об. (1054) не подтверждает «вариант топонима» *Воино*, как то ошибочно считает Нерознак, а является очевидным случаем, когда переписчик не понял древнерусский текст, в котором был приведен топоним, и переосмыслил его по-своему, как синтагму *идти войною* (как *идти ратью*), — вместо топонима употреблено нарицательное существительное *война*.

5. Словообразовательные проблемы древнерусской топонимии чужды автору. Относительный суффикс *-ьскъ* чаще всего дается неправильно, в различных вариантах: *-(е)скъ* (с. 19), *-ескъ* (с. 25), *-скъ* (с. 30), *-ь(е)скъ* (с. 139), *-(е)скъ* (с. 140). Автор не отличает посессивный суффикс *-ь* от относительно-притяжательного *-ьѣ* и пишет, что *Лукомье* — «форма, предшествующая названию *Лукомль* < *Лукомьѣ*» (с. 104) и что «название *Гомии* образовано в результате перехода *-ьѣ* > *-ль*: *Гомий* > *Гомель*, ср. *Ярославьѣ* > *Ярославль*» (с. 61). Нерознак объединяет именной суффикс и суффикс прилагательного и говорит о «суф. притяжательности *-ечъ* (*-ичь*)» (с. 180), допускает контаминацию при объяснении топонима *Житомиръ*, считая, что он образован с помощью суф. *-ь* от имени **Житомъ* в значении 'город Житома' (с. 73). Автор пользуется термином «топооснова» и объясняет форму *Оргоуц* как «топоним с частотной на восточнославянской территории топоосновой *-гоуц*, *-гостъ*» (с. 129), не догадываясь, что топонимы со вторым компонентом *-gošъ* на самом деле — посессивные производные на *-ь* от личных имен на *-gostъ*. В ойкониме *Волковескъ* автор видит «топооснову *-вьискъ*, происхождение которой неясно» (с. 44), однако приведенная «топооснова» имеет два четко различных словообразовательных элемента: основу *vuj-* — (современный глагол *вѣть*, *вою*) и суф. *-ьскъ*. Следовательно, ойконим *Vьlkovujьskъ* образован с помощью суф. *-ьскъ* от некоего другого топонима **Vьlkovujъ*, первоначальная мотивация которого вполне ясна: место, где завывают волки. Данная словообразовательная основа засвидетельствована во второй половине XV в. в названии села: у *Волковьяхъ*³. К данному словообразовательному типу принадлежит и ойконим *Черторыескъ*, производный от гидронима *Черторыя* (с. 187, автор неоправданно оспаривает мнение О. Н. Трубачева, согласно которому первый компонент гидронима связан с сущ. *черт*).

6. Многие этимологии, которые предлагает Нерознак, неприемлемы по словообразовательно-семантическим причинам. Так, топоним *Лучинь* (город) не является производным с посессивным суффиксом *-инъ* от географического термина *лука* 'изгиб реки, излучина' (с. 105), так как с помощью посессивных суффиксов от географических терминов прилагательные не образовывались. Этот ойконим — результат субстантивации посессивного прилагательного на *-инъ* от личного имени *Лука*. Топоним *Кучково* — производное не от личного имени *Кучка* и не от патронима *Кучковичи* (с. 115), а от личного имени *Кучко*. Топоним *Глузовъ* не «посессивное образование на *-овъ* от др.-руск. *глухъи*» (с. 59), а производное от личного имени (прозвища) *Глухъ*. Топоним *Гуричевъ* автор объясняет так: «Название образовано от варианта др.-руск. имени *Гюргевъ*, *Гюргии*, от которого через промежуточный патронимикон *Гюргичъ* развилась форма *Гюргичевъ* с позднейшим развитием в *Гюричевъ* и позднее *Гуричевъ*» (с. 65). Это толкование нельзя принять, во-первых, потому что притяжательное прилагательное от личного имени *Гюрги*, *Гюргии* в древнерусском было *Гюргевъ*, а патроним — *Гюргевичъ* (производное от основы прилагательного на *-евъ*), и, во-вторых, потому что от патронимов на *-иъ* в древнерусском языке образовывались притяжательные прилагательные, форма мужского рода которых была омонимична форме патронима, с помощью же суф. *-евъ* притяжательные прилагательные от патронимов на *-иъ* не образовывались⁴. Вопреки двум лингвистическим концепциям относительно происхождения топонима *Киевъ*, которые в последнее время выдвинуты Трубачевым и Росповдом, Нерознак предлагает гибридную ин-

терпретацию, которая лингвистически неубедительна: «Название города *Киевъ*, по всей вероятности, происходит от топоосновы *Kij-*, обладавшей семантикой физико-географического термина, и посессивного суф. *-евъ*» (с. 86). Посессивный суффикс *-евъ* не использовался при образовании прилагательных от существительных, обозначавших географические термины. В соответствии с этим или ойконим был образован от личного имени или входящий в его состав *-евъ* не является по происхождению посессивным суффиксом.

7. Некоторые этимологии, которые предлагает Нерознак, неприемлемы по фонетическим причинам, например та, согласно которой название *Девагорск* могло произойти от топонимической синтагмы *Девья гора*, а первая часть этого топонима, — вероятно, от древнерусского *дѣва* (с. 66). Нет никаких серьезных препятствий к тому, чтобы принять реконструкцию *Devătŷgorŷskŷ* 'город на девяти горах' с фонетическими изменениями после падения редуцированных *ŷg > tg > dg > g*, тем более что топоним впервые засвидетельствован в летописи XV в.: иде *Девагорьску* (ЛП ок. 1425, л. 126 (1147); приде. . . *Девагорьску* (Там же).

8. Некоторые этимологии не выдерживают ни словообразовательной, ни фонетической проверки. Нерознак вслед за Росподом толкует ойконим *Кѣснатинѣ* (приводя его в форме *Кѣснятинѣ*) как посессивное производное на *-инѣ* от древнерусского уменьшительного *Коснята*. Это объяснение нельзя принять, потому что в древнерусских памятниках нигде не засвидетельствовано личное имя **Кѣсната*, *Косната*, и, во-вторых, форму с палатальной основой *Кѣснатинѣ* трудно объяснить вторичной палатализацией *n*, так как посессивный суффикс *-инѣ* был в живом употреблении и в течение всего периода существования древнерусского языка и позднее, вплоть до наших дней. В качестве доказательства существования посессива от деминутива *Коснята* Нерознак использует отрывок из записи, сделанной на бересте: «*кѣснятина грамата*» (с. 100—101), который он цитирует неточно. В действительности же здесь засвидетельствовано посессивное прилагательное на *-ѣ* от личного имени *Кѣснатинѣ*: *Кѣснятина* грамата (ГрБ 1/2 XIII, № 397), а сам топоним *Кѣснатинѣ* — это субстантивированное посессивное прилагательное на *-ѣ* от личного имени *Кѣснатинѣ*, которое было широко распространено в древнерусском языке.

9. Некоторые ойконимы автор приводит в связи с апеллативной лексикой, хотя их этимологическое сближение противоречит элементарной логике словообразовательно-семантического анализа. Так, топоним *Спашь* он объясняет как производное с посессивным суффиксом *-ѣ* от апеллатива **спашь*, ссылаясь на диалектное *спаш* 'потрава, порча скотом' (с. 161). Согласно нашему толкованию, этот топоним является посессивным производным на *-ѣ* от существительного *сѣрась*, первоначально обозначавшего монастырь, откуда и происходит название селения. Топоним *Шеполь* Нерознак приводит в связи с топонимами *Шепля*, *Шпола*, *Шполка* (с. 189). Однако нет никаких серьезных препятствий к тому, чтобы принять реконструкцию *Sestŷpol'ŷ* 'город, который имеет шесть полей' с фонетическими изменениями после падения редуцированных: *Sestŷpol'ŷ > Sestpol' > Sepol'*, тем более что данный топоним засвидетельствован в летописи во второй половине XIV в.: то вдам ти которой ти городъ любѣ. любо Всеволожъ. любо *Шеполь*. любо Перемиль (ЛЛ 1377, л. 89 об. (1097)).

10. Для некоторых топонимов, получивших благодаря предшествующим исследователям вполне удовлетворительную словообразовательно-семантическую реконструкцию, Нерознак тем не менее дает свое собственное толкование, которое часто граничит с народной этимологией. Так Роспод предположил убедительную этимологию топонима *Чернобыль* как посессивного названия с суф. *-ѣ*, вторая часть которого *-byl* связывается им с чешскими именами *Radobyl*, *Drahobyl*⁵. Нерознак не считает нужным привести это объяснение, связывая данный топоним со словом *чернобыль* 'один из видов польни' (с. 187). Автор не объясняет, каким образом название одного из видов травы стало употребляться в качестве названия города. Согласно Нерознаку не оправдана «конъектура С. Роспода *Краснь* вм. *Краснѣ*», потому что «все летописные варианты указывают на топооснову *Краснѣ*» (с. 97—98). Однако все эти летописные свидетельства относятся ко времени после падения редуцированных.

Примечания

- ¹ Подробные замечания и наше объяснение словообразовательной структуры древнерусских топонимов даются в наших работах: О једном тумачењу староруских назива градова. — *Onomastica jugoslavica*, knj. 12. Zagreb (в печати); Прилози творбено-семантичкој реконструкцији староруских топонима. — *Ономатолошки прилози*. Београд, књ. 6, 1986, 21—59.
- ² Древнерусский топонимический материал взят нами из Картотеки СДР XI—XIV вв. Примеры приведены в упрощенной графике. Сведения об источниках и их сокращениях см.: *Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.* Введение, инструкции, список источников, пробные статьи. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1966, 90—169.
- ³ *Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.* Київ, 1977, 1, 189.
- ⁴ См.: *Мароевич Р.* Праславянские adiectiva possessiva типа *Tvorimiŕiŕь* (от патронимов типа *Tvorimiŕiŕь*), их судьба и следы в славянских языках. — В кн.: Резюме докладов и письменных сообщений. IX международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983, 104—105 (на сербохорватском яз. см.: *ЈФ* 1982, књ. XXXVIII, 89—109).
- ⁵ *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. Пер. В. Н. Нерознак. — В кн.: *Восточнославянская ономастика*. М., 1972, 65.

Р. Мароевич

Авторизованный перевод с сербохорватского И. П. Петлевой

Примечание от редакции: см. другие рецензии на книгу В. П. Нерознака «Названия древнерусских городов»:

1. *Мартынов В. В.* В. П. Нерознак. Названия древнерусских городов. — *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1984, № 2.
2. *Мурзаев Э. М.* Древнерусская топонимия городов. — *Изв. АН СССР. Сер. географ.*, 1984, № 3, 133—136.
3. *Улуханов И. С.* Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — *РЯШ*, 1984, № 4, 113—116.
4. *Поспелов Е. М.* Имена городов русских. — *География в школе*, 1984, № 5, 79—80.
5. *Белоконь И.* Города говорят. — *Москва*, 1985, № 3, 197—198.

М. А. Хабичев. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.

Северный Кавказ издавна является местом обитания многочисленных племен, говорящих на разных языках. Естественно, номенклатура топонимических названий этого региона является чрезвычайно пестрой.

М. А. Хабичев собрал необходимый материал и в рецензируемой книге сделал попытку исследовать вопросы гидронимии тюркского происхождения. Однако, к сожалению, автор отступил от требований научной методологии и допустил ряд досадных ошибок. Не имея четкого представления о времени миграции тюркоязычных племен, их роли и контактах с другими народами Северного Кавказа, М. А. Хабичев стремился все и вся объяснить из тюркских языков.

Автор начинает свою книгу с того, что объявляет . . . тюрками и те народы, которые обитали здесь задолго до прихода тюркоязычных племен. Например, М. А. Хабичев утверждает, что этноним *алан*, наряду с *таулу*, является самоназванием балкарцев и карачаевцев (с. 9). Впрочем, эту мысль он настойчиво внушает своим читателям уже в течение многих лет. В одной работе автор недоумевает, что «ни один из исследователей не задумался над тем, почему карачаевцы и балкарцы называли и называют себя этнонимом *алан*»¹.

Заметим, что автор напрасно недоумевает. Слово *алан* в карачаевском и балкарском является не самоназванием, а формой обращения: *алан!* 'друг!' В приведенном примере мы должны видеть отражение характера взаимоотношений между алавами и тюркоязычными племенами Северного Кавказа.